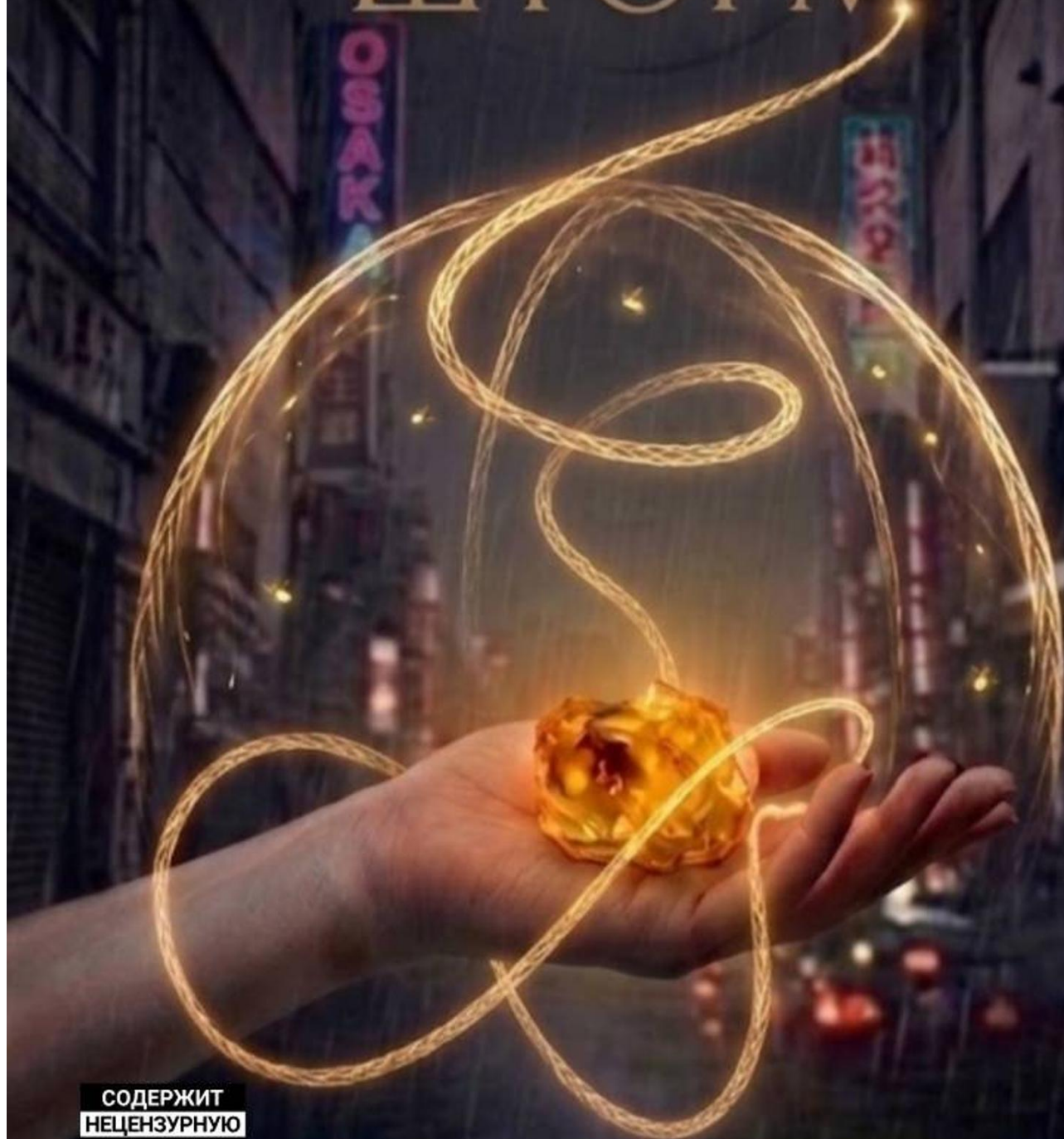

КНИГА 1

ТАМ, ГДЕ УМИРАЕТ ШТОРМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СТЕЛЛМАРИ

СТЕЛЛМАРИ

Там, где умирает шторм

«Автор»

2026

СТЕЛЛМАРИ

Там, где умирает шторм / СТЕЛЛМАРИ — «Автор», 2026

Прошлое находит тебя не по картам, а по старым шрамам на коже... Алиса - ведьма, которая верит только себе. Ее мир - это двое духов, камни и одиночество, которое она научилась не замечать. Но очередное задание оборачивается смертельной ловушкой, где добычей становится она сама. Из пепла прошлого поднимаются старые враги, требуя расплаты. В этой опасной игре, на ее пути появляется Ной Сато - мужчина, который не привык отпускать. Они - два шторма, которые не могут пройти мимо друг друга. Но Алиса не ищет спасителей. Когда древние чары сжимаются в кольцо, она шагает в самое сердце тьмы, чтобы родиться заново.

© СТЕЛЛМАРИ, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

СТЕЛЛМАРИ

Там, где умирает шторм

Глава 1

Девочка, 10 лет.

У девочки была одна маленькая тайна: её безудержно влекло к шкафу в бабушкином доме. Звучит безумно, но эта странная тяга продолжалась уже несколько месяцев, становясь всё сильнее.

В бабушкином доме была дальняя комната, которая давным-давно использовалась, как спальня, но теперь за ненадобностью ее превратили в кладовку, храня в ней ненужную мебель и вещи. Помещение представляло собой небольшой прямоугольник, по длинным сторонам которого друг напротив друга, стояли узкая детская кровать со скрипучими, поломанными пружинами и шкаф или как его называла бабушка - «шифоньер», с сервантом посередине.

Тот самый.

Он был дешёвый, из тонкого ДСП темного цвета, с потрескавшимся от времени лаком. Справа и слева были отделения для одежды. Бабушка там хранила платья своей молодости и все дедушкины вещи. Дедушке они были уже не нужны, он умер несколько лет назад, но раздать или выбросить их у бабушки не поднималась рука. Раз в год она стирала всю его одежду и аккуратно раскладывала, и развешивала на плечики снова. Дверцы шкафа запирались на изящный ключик. Бабушка повесила его на жёлтую атласную ленточку и хранила на гвоздике у двери. Ключ был позолоченный, с резьбой на головке и больше подходил для шкатулки с украшениями, а не для страшненькой мебели. Девочка обожала открывать этим ключом шкафы и рассматривать висящую там одежду. В дедушкиной половине ей нравились только галстуки, весьма экстравагантных расцветок.

А вот бабушкины платья...

Она трогала их руками и мечтала примерить. Все они были яркими, разных фасонов, и как бабушка их называла — «выходными». В молодости ей их сшила подруга и бабушка платьями очень дорожила. Особенно девочке нравилось лимонно-жёлтое, с оборками и спущенными плечами. Она фантазировала, что в нём будет похожа на Бэль из Красавицы и Чудовища. Но дальше фантазий дело не заходило. Бабушка, никогда не позволяя ей надевать свои платья. А если бы увидела, то отходила своей тростью. Она бережно хранила их для старшей внучки Анечки, дочери маминой родной сестры, которую беззаветно обожала. А что касается девочки, то бабушка очень сердилась, когда та даже просто трогала её вещи. Это касалось всего в её доме. Девочка видела, с каким недовольным лицом бабушка наблюдает за ней каждый раз, когда мама приводила ее в гости. Зато старшей на три года двоюродной сестре можно было всё! Без преувеличения, ВСЁ. То, что у жёлтого были платья спущенные плечи, девочка, кстати узнала, когда Анечка крутилась в нём перед зеркалом. Ей примерять платья разрешали в любое время, в тому же высокой не по возрасту сестре они были почти впору.

Аня жила с родителями на севере, в каком-то нефтяном посёлке и приезжала к бабушке на все летние каникулы каждый год. А бабушка не стеснялась в средствах и не жалела сил, чтобы баловать внучку. В первые дни приезда бабушка всегда торжественно вела её в местный ювелирный магазинчик и покупала ей какое-то украшение. Несколько раз за каникулы вывозила куда-то развлекаться, а однажды, они даже ездили вдвоём на море на целых две недели. Девочка на море ни разу не была и открыв рот слушала потом рассказы сестры и с восторгом

смотрела на привезённые фотографии, сделанные на модный цифровой фотоаппарат, который Ане тоже купила бабушка. К слову сказать Анечка, несмотря на своё привилегированное положение была неплохой девчонкой- дружелюбной и не зазнайкой. Они с девочкой лучшими подружками не были, но общались приятельски. Аня никогда не вела себя с ней надменно, за что девочка была ей благодарна.

Она вообще очень старалась замечать в сестре только хорошее и держаться за это в их общении, потому что, когда бабушка начинала их сравнивать (а она это очень любила и часто практиковала, особенно при зрителях), девочка Аню ненавидела, хотя по большому счету было не за что. И девочке было стыдно, что единственная причина ненависти - то что бабушка всякий раз заставляла её чувствовать себя на фоне любимой внучки ничтожеством.

У Ани правда много хороших качеств и талантов -она была отличницей, капитаном класса, ездила на Олимпиады, занималась в музыкальной школе по классу фортепиано, преуспевала в различных кружках и даже состояла в переписке с каким-то мальчиком из Англии.

Девочка тоже училась на отлично. Учителя хвалили ее за усидчивость, незаурядный ум и способность к нестандартному мышлению, но на Олимпиады, правда, не приглашали. Девочка вообще ни разу не слышала, чтобы от школы, где она училась, кто-то ездил на Олимпиаду. Слуха и голоса у девочки тоже не обнаружилось. Три года назад, когда ей почти исполнилось семь лет, мама отвела её на прослушивание в местную музыкальную школу и там ей деликатно сообщили, что с такими данными лучше не мучиться. В художественную школу её тоже не взяли -способностей нет. А через полгода выгнали из танцевальной студии, куда мама пристроила её по знакомству.

«Она же совсем ритм не чувствует!» - эмоционально заламывая руки, кричала мамина знакомая.

Единственное чем могла похвастаться девочка это постоянным участием в школьных театральных постановках. Ей на редкость хорошо удавались роли разного плана и, художественный руководитель её не могла на неё нарадоваться. В ежегодных районных смотрах художественной самодеятельности, девочку несколько раз отмечали грамотами, единственную из их театрального коллектива. Но бабушку, да и маму это совсем не впечатляло. Ей ещё придумали дома прозвище «Комедиантка». Вроде ничего такого, но бабушка говорила это таким тоном, что девочка обижалась.

Если бабушка демонстрировала к девочке полнейшее презрение, то её мама скорее излучала разочарование. Иногда смотрела на дочку, словно на бракованный товар. Да, она прилагала много усилий, чтобы облагородить девочку, но это было, как она сама сокрушенно говорила, всё равно, что пытаться облагораживать сорняк.

Тогда ещё девочка не знала, что любовь заслуживать не надо и всячески старалась показать себя с лучшей стороны. То пыталась впечатлить взрослых количеством прочитанных книг.

«И зачем тебе читать? Ты же тупая, как пробка!»- искренне недоумевала бабушка.

То каким-нибудь интересным фактом.

«Ой, ну хоть чему-то в школе тебя учат»- вздыхала мама.

Все её достижения признавались ничтожными и высмеивались. Анечку ей было не победить. И от этого было очень грустно.

Конечно, бабушкины платья восхищали её до глубины души, но основной интерес девочки в последнее время лежал к серванту, а точнее к зеркалу, которое занимало всю заднюю стенку конструкции. Сервант был глубокий, с одной стеклянной полкой. Бабушка унесла туда посуду, которую использовали только по праздникам или для гостей. Внизу стояли пузатая супница, блюдо, тарелки и пара салатников из одного сервиза, а на хрупкой стеклянной полке толпились кофейные чашки с блюдцами и блестили хрустальные бокалы с рюмками. Дверцы серванта были прозрачные и можно было смотреться в зеркало не открывая их. Однажды, между делом взглянув на себя, она почему-то не смогла остановиться.

С тех пор это стало самым любимым девичьим занятием. Когда она ловила там своё отражение, у неё внутри возникало совершенно новое и непонятное чувство. Пожалуй, его можно было бы назвать восторженным чувством принадлежности к какой-то тайне. Иногда ей удавалось лишь мельком взглянуть на себя (бабушка посылала её в кладовку за чем-то и задерживаться было чревато), но, если удавалось, она садилась на скрипучую кровать и как зачарованная, вглядываясь в зеркальную стенку. Никаких мыслей в голове, только такая же девочка напротив, внимательно смотрящая на неё. А иногда, она приходила в кладовку поплакать, летом особенно часто. Её отражение плакало вместе с ней, и девочка чувствовала себя не такой одинокой. Примечательно, что никакое другое зеркало таких ощущений не вызывало. Она даже эксперимент проводила, пристально смотрелась в другие, но там были всего лишь её неживые копии, ничего более. А вот в том зеркале... в том зеркале было что-то другое. Ей часто представлялось, что за отражающей поверхностью - это ширма, скрывающая другой мир. И там живёт такая же девочка, но иначе. У неё любящие родители, её обожает бабушка, она первая во всём, что делает, переписывается не с одним мальчиком из Англии, а по меньшей мере с двумя. И она приходит каждый раз, поддержать свою близняшку, когда та в ней нуждается.

В конце концов её привязанность к этой комнате была замечена. Бабушка подсмотрела, как девочка сидит на кровати и беззвучно разговаривает, глядя на себя и стала называть её «придуришкой», правда тихо, под нос, но так, чтобы девочка всё равно слышала. Бабушка даже поговорила об этом с девичьей мамой, на что та, высказала предположение, что девочке просто нравятся платья.

- Может подаришь ей одно, мам? Или дай примерить хотя бы. Она будет так счастлива!

Бабушка стукнула по столу рукой так, что мама вздрогнула и замолчала. В своей семье, она была авторитарной и громкой с щепоткой истеричности, но в присутствии бабушки, иногда и пикнуть боялась. С тех пор комнату стали запирают на ключ. Видимо бабушке была невыносима мысль о том, что девочка просто смотрит на платья и прикасается к ним, а может опасалась их порчи. Но девочке было уже плевать на платья. Она отчаянно хотела снова там оказаться, чтобы встретиться глазами со своим отражением. Обнаружить, где бабушка прячет ключ, было плевым делом, но вот воспользоваться им было проблематично.

Осенью бабушка чем-то заболела. Её вдруг стали одолевать слабость, внезапные боли в животе, и она постоянно торчала дома. А девочка не решалась рискнуть, даже когда она дремала после обеда или была во дворе. Била бабушка, несмотря на слабость, по-прежнему сильно. Девочка так хотела к зеркалу, что оно стало ей сниться. Наваждение какое-то! Однажды ей приснилось, что она залезла в сервант и прижалась к своему отражению лбом и ладонями. И ей так это понравилось, что девочка стала мечтать воплотить это в жизнь.

В середине зимы, мама с папой собрались везти бабушку в районный центр на обследование, уж больно она похудела и ослабла за пару месяцев. Поездка намечалась на целый день и это был её шанс! Девочка с легкостью уговорила родителей оставить её дома. День то будний, ей надо в школу. Но под каким предлогом попасть бабушке? Ещё и без спроса. У её мамы были дубликаты ключей от бабушкиной калитки и дверей, девочка знала где они лежат, поэтому с технической частью проблем быть не должно. Но как, например объяснить своё присутствие, если её заметят бабушкины соседи? А такая вероятность есть. Соседка с одной стороны - тоже пенсионерка, да ещё и в инвалидном кресле, ну точно будет дома. Соседи с другой стороны - Мартыновы. Муж с женой её не беспокоили, они были людьми спокойными и равнодушными, даже здоровались не всегда. А вот их любопытный сын... Вечно суёт свой противный нос куда не надо и живо общается с её бабушкой. Девочка так и услышала наяву: «Баб Ань, а чего ваша внучка в ваше отсутствие к вам домой приходила?» Тем более мальчишка знал, что бабушка девочку не любит. По идее, он тоже должен быть в школе, но кто знает. Он был младше и мог вернуться раньше неё или вообще на больничном. Вот так задача.

Решение пришло к девочке внезапно. И как она раньше не додумалась? Она не будет заходить со стороны улицы, она зайдёт со стороны огорода! Участки у соседей хоть и соприкасались, но зима же! Никто сейчас в огородах не работает, а мелкого соседского паршивца там и летом днём с огнём не сыскать. Девочка заблаговременно открыла крючок калитки, ведущей в огород и наблюдала, не закроет ли его бабушка. Мама и папа девочки навещали бабушку каждый день и у девочки была возможность держать этот вопрос под контролем. Но сейчас бабушка в основном лежала и хозяйство забросила, так что калитку в огород никто не проверял.

Накануне отъезда родителей и бабушки девочке опять приснился сон про зеркало. Теперь ей виделось, что сервант стоит не в бабушкиной кладовой, а в белой комнате и что она устроила в серванте себе кровать с балдахином и могла лежать и смотреться в зеркало сколько угодно.

Она еле высидела уроки в школе и сразу же помчалась к бабушке. О том, чтобы занести рюкзак домой и пойти налегке, даже речи не могло. Это бы украло драгоценное время. Все участки по нечетной стороне бабушкиной улицы примыкали к речке. Не в плотную, конечно, оставляя полуметровую тропинку, по которой девочка и добралась до нужного огорода. Снега не было, а вот слякоти - по щиколотку. Обувь надо будет тщательно помыть и застирать штаны. Но не считая постоянно вязнувших в грязи ног, девочка добралась без приключений. Не сдерживая нетерпения, она скинула верхнюю одежду, нашла ключ и со всех ног побежала к зеркалу.

Вот оно...

Девочка застыла, испытав такой сильный восторг, что у неё закололо в кончиках пальцев. Глянула на часы. У нее есть как минимум 4 часа.

Девочка страстно хотела залезть в сервант и наконец-то прикоснулся к своему отражению. Она продумала всё заранее: просто вынет всю посуду, а потом сложит её обратно. Всего-то дел! Как бы ей не хотелось справиться скорее, страх перед бабушкой и мамой (не дай бог что-то разбить!) тормозил её, призывая действовать аккуратно. Её отражение тоже бережно переносило хрусталь в угол комнаты, хотя ему тоже не терпелось поскорее соприкоснуться. Девочка это точно знала.

Справившись с посудой, она примерилась взглядом к стеклянной полке, подвигала её руками. Нет, слишком тяжёлая. Может вынуть и получится, а вот как ставить назад? Да и ладно! Даже с ней места навалом. Девочка была тоненькая и невысокая, так что поместится и так, да ещё и с запасом. И она полезла внутрь. Было конечно не так комфортно, как во сне, но зеркало компенсировало все неудобства. Устроившись на боку, она, дрожа всем телом протянула руку и коснулась протянутой руки своего отражения. Сначала кончиками пальцев, а потом всей ладонью. У девочки от восторга кружилась голова! Это было прекрасно! Девочка не понимала, почему она не делала этого раньше?

Какая бабушка?

Какие ещё соседи?

Всё это показалось ей мелким.

Плевать на всех. Она больше не разлучится с зеркалом никогда! Она хотела быть только со своим отражением. С такой, как она! Девочка прижалась к зеркалу лбом! Нет, не к зеркалу, а к той, другой! Как же ей хорошо и правильно! Девочка вынырнула из блаженного восторга от ощущений чьих-то прикосновений на своём лице. Открыла глаза. Её отражение смотрело на неё и улыбалось. А она улыбалась? Девочка не понимала. Отражение гладило её по лицу. Она чувствовала, как по щекам скользит что-то гладкое и прохладное. Или это она гладит своё отражение? А она это она? Или она- это отражение?

Время вдруг стало вязким, как кисель. Девочка тонула в его ленивых минутах. Отражение то становилось резким и чётким, то размытым, как изображение их старенького телевизора, стоящего на летней кухне. А потом, её близняшка, наверное, устала лежать на боку и сменила положение. Перевернулась на спину и сладко потянулось. Девочка почувствовала, что

у неё изо рта течёт слюна, а конечности затекли так, что потеряли чувствительность. Она тоже хотела размяться, но не могла пошевелиться. Наверное, так чувствует себя жертва, парализованная ядом хищника - одурманенная и обездвиженная. Девочке было не комфортно физически, но мозг купался в эйфории и хотел ещё.

А потом отражение село, скрестив ноги по-турецки и заговорило:

- Тебе нужен друг, как и мне. Тут так холодно и одиноко... Я так долго тут совсем одна. Я тебя не обижу, если ты не обидишь меня. Мне просто кто-то нужен, кто-то рядом... Кто-то близкий...-голос был чистый, звонкий и до мурашек холодный. - Я тебе помогу... Приведи летом сюда свою двоюродную сестру и большие тебе соревноваться будет не с кем... Ты будешь первая... Всегда...

Сознание девочки затопило возмущение и ревность! Она не станет делиться с Анечкой, у которой и так всё есть, своей тайной и своим другом!

- Как ты захочешь...Но ты подумай...- Струилось в сознании. -Только приходи чаще, прошу! Ты так нужна мне...

Девочку бросало то в жар, то в холод. Где-то очень далеко тихий голос твердил, что нужно бежать, но тело все сильнее парализовало сладким, леденящим душу оцепенением...

- Это что ещё такое!? Ты чего тут разлеглась!? Света! Света!!! Иди посмотри на дочь свою! Ну-ка вылезай, мерзавка! - сквозь плотную пелену дурмана прорезался визгливый бабушкин голос.

Чьи-то цепкие руки бесцеремонно швырнули её на пол. Девочка, пытаясь удержать равновесие попала рукой в тонкий бабушкин бокал. Жгучая боль, от вонзившихся осколков пронзила ладонь, и девочка немного пришла в себя. Марево в голове рассеивалось. Бабушка, лупила ее, мешком лежащую на полу, своей тростью. Лупила, со всей силы, не задумываясь, куда попадает. Девочка собралась и прикрыла руками голову. Кровь с порезанной ладони потекла по лицу. Потом она услышала голос своей мамы.

- Что случилось? Что ты делаешь, мама!? Прекрати! У неё кровь!

- Она у меня сейчас вся в юшке умоеется! - бабушка была в бешенстве.

Удары прекратились резко. Девочка услышала, как бабушка ойкнула, а через секунду, её отрывали от пола сильные руки.

Папа.

Девочка, сквозь пелену боли, посмотрела в зеркало и тихо пискнула. Её отражение стояло, сжав руки в кулаки с выражением холодной ярости на лице.

Девочка смутно помнила, что было потом. Её посадили на диван в гостиной. Вроде бабушка кричала на всех присутствующих так, что у неё поднялось давление. Мама кричала на девочку и почему-то на папу. Девочка не разбирала слов, только яростные интонации. Папа отошёл от девочки и кривя губы, смотрел на кровавые пятна на своей нежно-голубой рубашке, которые расплзлись алыми маками, там, где к нему прикасалась дочка. Ее коллегиально решили не везти в больницу, потому что пришлось бы объяснять глубокий порез на ладони, свежие синяки и кровоподтёки по всему телу и большую шишку на голове. Мама обработала ей все раны, а потом её повезли домой. Бабушка, уже успокоившись, сорванным от крика голосом сказала, чтобы больше эту маленькую дрянь к ней не приводили, потому что больше не желает видеть девочку никогда.

Удивительно, но бабушкино желание в скором времени сбылось. Девочку она больше не видела, потому что через пару дней, после упомянутых событий, бабушка умерла. Её нашла девочка мама возле того самого шифоньера. Сердечный приступ, вот, что услышала девочка, когда мама сообщала новость кому-то по телефону. На похоронах и поминках девочка тоже не была. Следы побоев ещё были видны, и родители не хотели, как они выразились, краснеть. Маму смерть бабушки вроде и не расстроила. Вечером, после поминок, она сказала папе, что

так даже лучше. Что это лёгкая смерть, по сравнению с тем, что ожидало бабушку. И девочка поняла, что при обследовании в районном центре, обнаружили что-то нехорошее.

В доме бабушки девочка тоже больше никогда не была и того зеркала больше не видела. Родители дом быстро продали, а вещи либо выкинули, либо раздали людям. Куда делся шкаф с сервантом девочка не знала. А бабушкины платья, кстати, мама отправила Анечке, которая больше на лето не приезжала, потому что кроме бабушки её тут никто не ждал. Девочке правда стало легче жить, когда соревноваться было не с кем, да и никто её в эти соревнования больше не втягивал.

У девочки остались некрасивый выпуклый шрам на правой ладони, кошмары и липкий страх, скребущий по телу каждый раз, когда она находилась рядом с большими зеркалами. К тому же, её беспокоил факт, что бабушку нашли возле серванта. Ее не оставляло чувство, что это близняшка убила бабушку и теперь следит за ней. Но время шло и ничего не происходило. Как-то раз девочка даже проговорила свои мысли об этом вслух, ужаснувшись тому, каким бредом это звучит и твердо решила оставить этот эпизод в прошлом. Просто стараться не думать об этом и всё забудется.

Но в зеркала она больше не смотрела.

Глава 2

Алиса.

Токио - это не то место, где светловолосая и зеленоглазая Алиса могла с лёгкостью затеряться в толпе, что немного её беспокоило, учитывая то, насколько она стремилась быть неприметной. Каждый шаг по токийским улицам будто подчеркивал её инаковость: солнечные блики играли в волосах, как в редком янтаре, а оливковые глаза притягивали внимание да так, что она предпочитала спрятать их за тёмными очками. Ведьма всегда стремилась быть тенью, невидимой ниткой в гобелене толпы, но здесь она чувствовала себя словно под увеличительным стеклом. А дело, ради которого чародейка и её духи прибыли в Японию, требовало осторожности, потому что они понятия не имели, с чем придётся столкнуться.

Алиса взглянула на своих спутников и сдержанно вздохнула. Учитывая их способность менять внешность, её духи могли бы идеально мимикрировать под местных - но нет, оба упрямо держались своих излюбленных обликов. Микки- её домашний дух в образе азиатской девушки неопределённого происхождения с утрировано миндалевидными глазами с тайским разрезом, корейскими скулами, китайским овалом лица и японской белизной кожи. Эта личина, казалось, собрала в себе всю эстетику Востока, и дух её обожала, считая, такая внешность придаёт ей загадочный и экзотичный вид. В Европе или России- бесспорно, однако в Японии такой экзотики навалом! Сразу после их приезда в Токио, Алиса неосторожно высказала это вслух, добавив, что только Микки будет выглядеть тут неприметно и та, придирчиво осмотревшись вокруг, увеличила себе глаза, сделав их круглыми. Теперь она сияла в толпе, как персонаж, сошедший со страниц манги.

Киран тоже оставался верен своему амплуа - темноволосый, угрюмый подросток в неизменно чёрной одежде, с зачарованными серебряными кольцами на пальцах и солнцезащитными очками. Алиса не возражала: очки удачно скрывали его глаза - тёмные, как смоль, и холодные, как лезвие ножа. Взгляд, несовместимый с личиной шестнадцатилетнего мальчишки.

Они петляли по узким переулкам, где воздух был густым от запаха жареного сладкого омлета из закусовых. Над головой мелькали неоновые вывески с иероглифами, отражаясь в лужах после недавнего дождя. Из динамиков магазина доносилась механическая мелодия - трель, оповещающая о закрытии. Прохожие спешили, не глядя под ноги, их зонты, защищающие от воды и от солнца, цеплялись за провода, натянутые между домами, как паутина.

Их временным пристанищем стали две квартиры двухэтажного дома в районе Накано, любезно предоставленные на время, хорошим знакомым Алисы - с одной спальней для нее и с двумя для Кирана и Микки. Ее духам, разумеется, отдельная жилая площадь была не нужна, но квартиры, способной фактически вместить трех людей, которыми они притворялись на данный момент не было. Ведьме не нужны были вопросы, ей нужно было раствориться, стать средне-статистической гайдзин. Так же Алиса посчитала нужным скрыть в Японии свои колдовские силы. На всякий случай.

Перед вылетом она надела кольцо из кованого железа, украшенное россыпью гематитов. Украшение изготовили на заказ в обычной ювелирной лавке, но Алиса зачаровала его, запечатав внутри свойства скрывать её магическую сущность, но при этом не блокировать способности, оставляя ей возможность воспользоваться ими в любой момент. Работа заняла у неё не один месяц, но девушка очень гордилась результатом. Пока оно было на её пальце, даже самые искушённые чародеи Японии будут видеть в ней лишь очередную иностранку. Микки получила маскирующий кулон. Киран - браслет. Так же она решила пока не закрывать их

жилище чарами, чтобы всё было по-человечески. Такие меры предосторожности могли показаться параноидальными, но Алиса знала - игра может стоить свеч, учитывая, что она понятия не имела с чем может столкнуться, возвращая предмет, украденный у её нанимателя. А то, что она узнала, побывав в Берлине, на месте кражи, наводило её на мысли, что задачка может оказаться со звёздочкой.

Герр Эрик Зальцман лично позвонил ей посреди ночи, бесцеремонно подняв с постели и через шесть с половиной часов, она уже ехала в лимузине из аэропорта Бранденбург в резиденцию Зальцмана - известного коллекционера, антиквара и мага. Алиса сотрудничала с ним пару лет назад и очевидно не разочаровала результатом, так что он решил прибегнуть к её услугам снова. Ее же тогда поразила щедрость, с которой Герр Зальцман оплатил её работу. Сейчас девушка получила задание - вернуть украденную у него вещь - старинное карманное зеркальце венецианской работы. Предмет был штучным, изготовленным в своё время для знатной дамы, с рамой из черненого серебра, инкрустированной сапфирами. Венецианская безделушка сама по себе стоила не мало и представляла редкий коллекционный экземпляр, но главная его ценность была в заключенной в нём магии. Что именно умеет зеркало - никто не знал. Зальцман, за много лет владения предметом, так и смог разгадать его предназначения, но попыток не оставлял. Это было его страстное хобби, которое Алиса находила глупым и рискованным. Герр Зальцман, как маг, обладал только одним и весьма слабым даром - влиять на настроение других людей и явно неподходящим для того, чтобы иметь дело с магическими артефактами, которые могли нести в себе смертельную опасность. И что будет делать Зальцман, столкнувшись с таким? Попробует его успокоить? Алиса неподобающе громко фыркнула, как-то раз, представив себе эту картину. По её мнению, Зальцман лез в дебри, где ему было не место и искренне удивлялась тому, что он до сих пор жив. Может у него был спящий дар редкостного везения? Впрочем, все эти мысли она тщательно скрывала под маской профессионального равнодушия. Зальцман был невероятно самолюбив и надменен. Его нарциссичная личность не терпела снисхождения. Да и к тому же его основная сила лежала вовсе не в плоскости магии. Эрик Зальцман был невероятно богат и дьявольски влиятелен, а в мире, где они жили, деньги и власть решали если не всё, то очень многое в независимости от того, маг ты или человек.

Зеркало украли прямо из хранилища, что герра Зальцмана особенно возмущало и Алиса его понимала. Полуподвальное помещение, предназначенное для хранения коллекции было оснащено не только самыми современными охранными системами, но и имело весьма солидную магическую защиту. Хозяин подошёл к этому вопросу основательно, вложившись по полной. Поэтому вопрос, как же грабитель проник в святая святых, а главное ушёл незамеченным, оставался открытым. Второе, что бросилось в глаза всем - то, что пропало только зеркало. В сокровищнице Зальцмана было полно других и гораздо более ценных, как в финансовом, так и в магическом плане вещей, но взяли только дамскую безделушку. Это логично наводило на мысли, что грабитель приходил именно за ним и выводило Зальцмана из себя. Ему была невыносима мысль о том, что кто-то знает о предмете его коллекции больше, чем он сам! Не просто же так, некто неизвестный рискнул, чтобы заполучить зеркальце себе! Он слегка растерял свой интеллигентный вид, когда, выйдя из себя, требовал у Алисы скорейшего возвращения его собственности вне зависимости от того, во сколько ему это встанет.

Осмотр места происшествия ничего ценного не дал. Следов вор не оставил - ни магических, ни физических. Чисто теоретически, кражу мог совершить и человек, которого под завязку зарядили заклятиями и амулетами. В таком случае это преступление можно было бы считать идеальным, потому что исполнитель уже гарантированно мёртв. Под гнётом магии обыватели не выживали. Люди в таких делах были расходным материалом, инструментом, чтобы скрыть заказчика. Но это имело значение, если бы артефакт для Зальцмана искал кто-то другой, Алису такие мелочи не волновали. Её волшебный дар состоял в том, что она чувствовала, даже *чуля* артефакты и чем больше в них было магической силы, тем отчётливее

был след. Поэтому, всё, что было нужно Алисе, это пара минут рядом с местом, где хранилась украденная вещица. Девушка, скрытная и осторожная по натуре, свои способности не афишировала, считая, что чем меньше знают посторонние, тем лучше. Она с умным видом ходила по хранилищу и по лаборатории, имитируя интерес только для отвода глаз, слушая возмущённые разглагольствования Зальцмана о беспардонности современных нравов.

Так или иначе, своё заветное время рядом с футляром, в котором хранилось зеркало, она получила. Пока вертела в руках, выстланную изнутри дорогим бархатом коробку, её мысли наполняли образы, запахи и звуки.

Она отчётливо почувствовала запах соли и жасмина, глиняной пыли... с металлической примесью крови. В голове закружились нечёткие видения - мужские холенные руки, с безукоризненным маникюром, почему-то вызывающие тошнотворный ужас, истерзанные белые хризантемы, плачущие женские статуи в летящих лепестках розовой сакуры под звуки храмового гонга...

Япония?

Соленый бриз с примесью нефти и водорослей, портовый гул, крики чаек...

Гонконг?

Отдалённый свет неоновых огней, отголоски биения толпы и ощущение мегаполиса...

Корея?

Зеркало похоже находилось в восточной части Евразии, но где именно? Алиса не торопилась. От неё требовалось собрать как можно больше подсказок, а точное место она определит позже.

Девушка заметила слабое свечение над коробкой, которое не имело продолжения и поняла, что некто не выходил с зеркалом через дверь, а телепортировался, завладев артефактом. Любопытная особенность, но не уникальная. Она ещё немного подержала футляр укрепляя свою связь с зеркалом за счёт оставленной им магии, а когда поток видений иссяк, поделовому попросила разрешения переговорить с охраной. Люди мало чем могли помочь, но вдруг выяснится какая-нибудь интересная деталь? Пока ей было ясно одно - зеркало где-то в Азии и, к счастью, не в какой-то глуши, а скорее всего в крупном городе, что значительно облегчало задачу.

Её дар работал постепенно, наращивая связь с предметом тем сильнее, чем ближе она к нему подбиралась. Чтобы сузить варианты, по приезду в отель, она засела в интернете, тщательно проверяя, всё, что ей привиделось и пришла к выводу, что вероятнее всего зеркало находится в Токио, впрочем, не исключая возможность, что ошибается.

И вот она в столице Японии, чувствуя пульсацию магии зеркала отчётливее, но ещё не так близко, как хотелось. Пока Микки с маниакальной страстью наводила в их новом жилище уют, а Киран смотрел сериал, развалившись на диване, она, рассеянно глядя в окно на оживлённые улицы, прикидывала дальнейшие шаги. У неё не было подходящих камней, чтобы «зацепить» магию зеркала, видения тоже получить не от куда, а идея по очереди посещать сначала районы, а потом улицы Токио ей не нравилась. Долго.

Она потрясла в памяти то, что видела и ощущала в хранилище Зальцмана. Жасмин, соль, глина... Ухоженные мужские руки... статуи, лепестки сакуры. Что характерно, то жасмин и соль она ощутила через обоняние, а цветение сакуры видела. Чтобы это значило? Сезон цветения сакуры в самом разгаре, жасмин зацветёт гораздо позже, в мае-июне. Чему верить? Видения не всегда показывали буквальную картину. Она поискала в интернете сады со статуями. Ничего похожего на то, что ей привиделось. Частное домовладение? Она выписала шесть подходящих по описанию районов и задумалась. Что-то упущено.

Она снова закрыла глаза, пытаясь воспроизвести запахи и образы.

«Соль... но с чего она подумала, что морская?»

«Жасмин... но не цветы, а запах.»

«Статуи... но не в парках.»

И тут её осенило.

«Гонг.»

В видении она «слышала» удар храмового колокола.

Она быстро набрала в поиске: «храмы Токио со статуями и жасмином.»

Поиск выдал несколько подходящих вариантов, но внимание Алисы привлёк храм Сэнсодзи в Асакуса. Судя по информации с сайта, неподалеку от которого протекала река Сумида, впадающая в Токийский залив, а у задних ворот густо рос жасмин. Но главное- статуи буддийских стражей. Конечно, описать их, как «плачущие женщины» можно было с большой натяжкой, да и выглядели они совсем не так, как в её видении, но по крайней мере это не смесь льва и собаки.

Она глянула на часы. Сегодня уже никак не успеть! Хотя можно оно и к лучшему, завтра будет время проверить другие места, если в этом храме не выгорит. Она сохранила список и отложила телефон.

Вынырнув из размышлений о деле, Алиса изумилась красоте и порядку, который навела Микки. Квартира выглядела обжитой, уютной и полностью соответствовала представлению Алисы о комфорте. Пол блестел так, что в нём отражались потолочные лампы. Воздух пах лимонной свежестью.

- Ты что, уборку устроила? - спросила она, осторожно ступая по мокрому паркету.

Микки, в старых спортивных штанах и с тряпкой в руке, вылезла из-за дивана.

- Да, но толку - чуть!

Она кивнула в сторону Кирана, который лежал на диване, уткнувшись в телефон, и методично ронял крошки чипсов на только что вымытый пол.

- Киран, - вздохнула Микки, - Я полчаса оттирала пятна.

Он даже не поднял головы.

Микки закатила глаза и швырнула в него свернутой в комок влажной тряпкой, которая шлепнулась ему на грудь.

- Ой, - безразлично сказал Киран и стряхнул её на пол.

Алиса покачала головой и прошла на кухню, стараясь не поскользнуться. На столе аккуратно стояли расставленные по алфавиту специи, а в раковине не было ни одной грязной тарелки.

- Ладно, поедим в чистоте, - пробормотала она, открывая холодильник. За её спиной Микки уже домывала пол, ворча что-то про «недотепу» и «грязнулю».

Киран в ответ включил звук погромче.

Самое время заняться ужином. Киран и Микки не нуждались в еде, в качестве источника энергии, или просто ради удовольствия и по желанию, которое сегодня высказали оба. Алиса достала из холодильника продукты и приступила к готовке, радуясь, что в целом дома царит мир и спокойствие, о котором еще несколько лет назад, она могла только мечтать.

Единственное, что не умела её умница Микки - готовить. Вся еда, за которую она бралась - паранормальным образом то горела, то была сырой, то разваривалась до состояния массы неопределённого состава, то была жестокой, как подошва. Алиса, вызвалась готовить сама, а Микки впала в глубокое расстройство, усугубляющееся патологически честными комментариями от Кира. В отместку, домашний дух метко била по самому больному- невысокому росту Кирана, который почему-то не менялся вместе с его личинами. В общем дома была горячая междоусобная война, которую Алиса еле прекратила, ну или её духи устав бороться, худо-бедно примирились, лишь изредка обмениваясь ленивыми колкостями.

Алиса помешивала соус в сковороде, наблюдая, как золотистые блики играют на медной ручке. Аромат чеснока и сливок, наполнял квартиру, перебивая всё остальные запахи.

- Хоть кто-то здесь умеет готовить, - пробурчал Киран, не отрываясь от экрана.

Микки, уже сидевшая на стуле и накидывающая план ведения быта, резко подняла голову:

- Я умею создавать атмосферу. А еда - просто топливо.
- Топливо? - Киран фыркнул. - Твой последний суп разъел ложку.
- Зато мой суп хотя бы пытался быть интересным! Твоя еда будет похожа на твои шутки - плоские и пережаренные.

Алиса вздохнула, но пресекать спор не стала. Эти двое как дети. Она вылила соус в отваренные спагетти, добавила бекон, украсила блюдо тонко нарезанным зелёным луком и поставила тарелки на стол.

- Готово.

Микки тут же забыла про обиды и потянулась за вилкой:

- О, карбонара! Итальянская тематика продолжается!

Алиса покачала головой:

- За сливки и чеснок в карбонаре, в Италии лишают гражданства, так что это авторский р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.